

А. А. Салтыков

РОМАН ЙОХАННЕСА В. ЙЕНСЕНА «ЛЕДНИК»

Творчество датского нобелевского лауреата Йоханнеса Вильгельма Йенсена (1873–1950), одного из наиболее выдающихся представителей литературы Дании конца XIX — первой половины XX в., по праву заслужило широкое признание, как в Скандинавии, так и за ее пределами. В настоящее время имя Йоханнеса В. Йенсена, прозаика, поэта, публициста и литературного критика, занимает почетное место в ряду крупнейших скандинавских литературных классиков XX в.

Цикл романов, объединенных под общим названием «Долгий путь» (1908–1922), стал одной из вершин многообразного наследия выдающегося художника.

Эволюционное учение Ч. Дарвина и мысли, впервые сформулированные Йенсеном в сборнике философских эссе «Готический ренессанс» (1901)¹, натолкнули писателя на создание целого ряда литературных произведений, повествующих об эволюции человеческого общества с древних времен до наших дней.

Каждый из шести романов «Долгого пути» («Потерянная земля» (1919), «Ледник» (1908), «Норне-Гест» (1919), «Поход кимвров» (1922), «Корабль» (1912), «Христофор Колумб» (1921)) является самостоятельным произведением, описывающим тот или иной период истории человеческого общества. Объединенные в цикл, они образуют после-

¹ *Куприянова И. П.* Предисловие // Йенсен Й. В. Избранное. Л., 1989. С. 6.

довательное повествование об эволюционном прогрессе человека. Таким образом, необычная авторская трактовка теории Ч. Дарвина находит здесь свое воплощение в художественной форме.

Роман «Ледник» стал первым воплощением замысла Йенсена. По исторической хронологии, первым звеном цикла является роман «Потерянная земля». Несмотря на это, именно «Леднику» было суждено стать отправной точкой при создании эпопеи. Все остальные части «Долгого пути» выстроены вокруг этого произведения.

Повествовательная модель романа — рассказ об отдельной личности, которая представляет собою проекцию целой исторической эпохи, — является характерным приемом писателя. Подобный способ построения можно проследить во многих других произведениях Йенсена (например, в романе «Падение короля», в сборниках рассказов о людях датской провинции Химмерланд и др.). Но только в «Леднике», а позднее и в других частях цикла, этот принцип впервые стал своего рода универсальной моделью организации повествования. Герои эпопеи, в отличие от героев предыдущих произведений писателя, — не просто яркие представители своих эпох, а как бы непосредственные воплощения этих исторических этапов. В подобной структуре не отрезок исторического времени обуславливает героя, а, наоборот, отдельная личность подчиняет себе движение цивилизационного развития².

Действие романа разворачивается в первобытном тропическом лесу — на территории современной Скандинавии, где обитает племя древних людей доледникового периода. Главный герой — юноша Дренг — представитель высокочтимого рода хранителей огня. Писатель изначально предопределяет дальнейшую судьбу героя: ему предстоит пройти путь от прачеловека к человеку, оторваться от родного племени и научиться жить на Леднике, в то время как его сородичи, спасаясь от холода, будут отступать на юг. В этой внутренней борьбе с самим собой, в дарвинистском «приспособлении» к условиям среды обитания происходит так называемый эволюционный скачок — обретение героем качеств современного человека³.

Потомки Дренга, подобно своему праотцу, останутся жить на Леднике и спустя много веков образуют первую на земле народ-

² *Handesten L., Johannes V. Jensen. København, 2000. S. 224.*

³ *Курянова И. П. Литературно-историческая концепция Й. В. Йенсена. Эпопея «Долгий путь» // Скандинавская филология. V. Л., 1991. С. 130–131.*

ность — сообщество, которое Йенсен именует «расой». Этот термин писатель использует здесь в дарвинистском значении. Позднее эта «раса», достигнув своего расцвета, начнет деградировать, и ей на смену придет другая. Тем самым Йенсен подчеркивает цикличность развития любого общественного уклада.

Сюжетная линия романа подчинена закономерному движению: в начале герой осуществляет эволюционный «скачок», который в результате приводит к формированию более совершенного общественного уклада, а позднее потомки героя, поднявшись до определенной ступени развития, перестают двигаться вперед и останавливаются на той исторической фазе, за которой следует постепенное, но неминуемое разложение этого общества.

Писатель задает в «Леднике» свой алгоритм развития культуры. Это движение по спирали, согласно Йенсену, и есть эволюция человеческого общества. Но для того, чтобы перейти на новый виток развития, обществу необходим так называемый взрыв. У Йенсена такой «взрыв» способны осуществить только люди определенного склада, типаж которых нашли в романе воплощение в образах Дренга и Видбьерна. По словам писателя, эти образы являются ни чем иным, как художественными абстракциями⁴. Герои всех романов цикла бессознательно, находясь в благоприятных с исторической точки зрения условиях, получают возможность осуществить эволюционный прорыв.

Композиционно произведение состоит из двух частей: повествование о жизни Дренга и история второго героя романа — Видбьерна, одного из многочисленных потомков Дренга, которому, так же как и его прародителю, предстояло стать изгоем своего племени и в конце концов покинуть его. И Дренгу, и Видбьерну удастся создать новое общество, более совершенное, чем то, из которого они были изгнаны. Таким образом Йенсен выводит типологические черты своего «исторического» героя, создает некий архетип так называемого эволюционера.

Сильная личность, согласно философии писателя, формируется не благодаря влиянию среды, а, наоборот, вопреки ему. Подобное развитие становится в дальнейшем универсальным для всех частей цикла. Все центральные герои «Долгого пути» (Пламень, Дренг, Видбьерн, Норне-Гест, Христофор Колумб) сталкиваются с враждебностью и непониманием со стороны своего окружения.

⁴ *Jensen J. V. Æstetik og Udvikling. København, 1923. S. 77–79.*

В «Леднике» Йенсен начинает разрабатывать собственную литературно-историческую концепцию, которую позднее называет «новой естественнонаучной библией»⁵. Это определение может служить объяснением принципа воссоздания целого ряда мифов-основ на протяжении всех последующих частей цикла. «Первомифы» видоизменяются, с точки зрения автора, в различных культурах, но, тем не менее, являются универсальными для всей истории развития человечества. Таким образом писателю удается привести к единому знаменателю большинство существующих мифов, легенд и культовых традиций, найти для них в рамках цикла оригинальные обоснования, трактовки и комментарии.

Образ Дренга — один из самых сложных и неоднозначных как в романе, так и в эпосе в целом. В своей «новой библии» писатель отводит этому герою роль Адама. Вместе с тем разнородное наполнение образа первого человека достигается, как правило, при помощи различных аллюзий. Герой является здесь олицетворением и Адама, и библейского братоубийцы-изгнанника Каина, и Одина — верховного божества древних скандинавов. Этот образ трактуется в романе как некая основа мифа о первом человеке, трансформировавшаяся позднее по-разному в различных культурах.

Мотив тоски о потерянной земле становится определяющей чертой всех центральных героев цикла. Таким образом, писатель представляет собственную трактовку библейского сюжета изгнания из рая. В рамках своей литературно-исторической концепции он делает вывод о том, что именно это чувство, передавшееся всем великим потомкам героя (к которым автор относит и первооткрывателя Америки Христофора Колумба, и даже создателя эволюционного учения Ч. Дарвина), легло в основу эволюционного развития человечества, стало стержнем формирования так называемой готической расы⁶.

Первым попутчиком изгнанного героя становится старая обезьяна, представленная здесь как некий символ уходящей эпохи. Она, как и все прочие жители тропического леса, вскоре умирает, не сумев перенести резкого похолодания и прихода зимы. Ей на смену приходит дикая собака, которая становится верным спутником Дренга. Датский исследователь творчества Йенсена Л. Недергор отмечает, что образ собаки — верного друга и помощника человека — был

⁵ Ibid. S. 40.

⁶ *Handesten L. Op. cit. S. 232.*

заимствован писателем из повести Дж. Лондона «Зов предков», предисловие к которой Йенсен написал незадолго до начала работы над романом⁷.

Образ Дренга в период его жизни на Леднике также во многом перекликается с образом Робинзона Крузо. Ссылка на роман Дефо как один из источников создания «Ледника» содержится в очерке «Принципы и источники»⁸. Здесь писатель акцентирует внимание на первостепенном значении не приспособленческого, а противоборствующего начала в образе героя романа Дефо. Аллюзией на роман «Робинзон Крузо» является и повествование о приручении животных. Своеобразным намеком на образ Пятницы стал художественный портрет Моа, спутницы героя. Йенсен неоднократно отмечал, что, на его взгляд, одним из недостатков романа Дефо является то, что спутником главного героя в нем стал мужчина, а не женщина⁹.

Моа стала в йенсеновской «библии» прообразом ветхозаветной Евы. Встреча с ней оказывается знаковой как для героя, так и для всех последующих поколений его потомков. Образ девушки и вид моря — бескрайней и неведомой стихии — рождает в душе Дренга «страстную тоску». Таким образом, мотив тоски находит еще одну ипостась в романе. Тоска о покинутом рае — «раннем детстве человеческой цивилизации» — дополняется здесь новым натурфилософским мотивом «неизлечимой родовой тоски» по бескрайней морской стихии. Это чувство, по мнению писателя, на бессознательном уровне также укореняется в душах потомков первого человека.

В повествовании о создании первого постледникового общества Йенсен представляет патетический рассказ о добыче огня. Память об огне тесно связана в сознании героя с воспоминаниями о жизни в первобытном лесу. Мотив огня и акт его добычи получают в романе и эпосе в целом символическое наполнение. Огонь становится неким олицетворением воспоминания о «рае на земле», сохраненном в генетической памяти героев. Каждый из последующих героев эпоса обязательно проходит стадию лишения огня и вынужден самостоятельно добывать его вновь. Подобный акт добычи огня предвзвешивает человечества на новую ступень цивилизационного развития. Благодаря добыче огня герою удается начать вести оседлый образ

⁷ *Nedergaard L.* Johannes V. Jensen. København, 1943. S. 170.

⁸ *Jensen J. V.* Op. cit. S. 46.

⁹ *Nedergaard L.* Op. cit. S. 170.

жизни и, таким образом, встать у истока первой самостоятельной народности. Огонь становится в произведении, с одной стороны, основным источником новой жизни, с другой — вечным напоминанием о «детстве человечества», нашедшим позднее воплощение в мифе об Обетованной земле.

Сакральная составляющая мотива добычи огня находит отображение в так называемых мгновениях. «Мгновения» — это своеобразные иррациональные просветления в сознании героя, видения, которые длятся долю секунды — время, пока вылетает кремневая искра, — в реальном времени. Вместе с тем они вмещают в себя продолжительные видения героя.

Во время первого из таких видений герой оказывается в диком фантастическом лесу. Здесь к нему приходит осознание своего родства с дикой природой. В то же время его переполняет чувство покровительства и ответственности за весь животный и растительный мир. В данном фрагменте писатель воссоздает дарвинистскую идею о взаимосвязи и стадильности происхождения на земле различных видов существ и растений. В этой системе человек предстает как одна из составных частей природы, но вместе с тем выделяется как наиболее совершенное из всех земных существ. Таким образом, за одно «мгновение» Дренг постигает все тайны природы и осознает свое место в этой сложной взаимосвязанной системе. Йенсен замечает здесь, что просветление героя происходит на подсознательном уровне. Когда искра потухает, завершаются длительные странствия героя по дикому лесу, он оказывается в своем жилище, не сохранив в памяти того, что с ним происходило.

Следующая искра, высеченная героем, переносит его во времени на много тысячелетий вперед. Дренг оказывается на улицах Чикаго начала XX в. Ему открывается будущее, которое, по мнению автора, предстает очередным воплощением предыстории человечества. Американский город является здесь символическим преемником дикого древнего леса. Йенсен также подчеркивает, что отношения между обитателями американского города фактически подчинены тем же законам, которые определяли жизнь в древнем лесу. Оба «мгновения» — звенья, замыкающие историческую цепь. Развитие современного человека, утверждает писатель, стало возможно благодаря той неосознанной тоске по утраченной земле вечного лета и тяге к морским путешествиям, которые зародились в характере Дренга много тысячелетий назад и передавались его потомкам.

Третье «мгновение» становится итогом мифа о Дренге и заключением первой части «Ледника». Здесь герой переносится на полвека вперед, оказывается в окружении целого народа своих потомков. Сам Дренг предстает в этом эпизоде седым стариком. Предвидя скорую смерть, он вместе со своим огнивом спускается в каменный склеп. Там он проводит несколько дней, слагая песни о своей долгой жизни. Как такового описания смерти героя в произведении нет. Говорится, что Дренг завалил за собой вход тяжелым камнем, но спустя несколько дней люди увидели свет, исходивший из могилы. Таким образом, Йенсен представляет здесь читателю аллюзию на библейский сюжет о воскресении.

Последнее видение Дренга — единая многоплановая картина мира в самых разнообразных его проявлениях. Центральное место этого живописного полотна писатель отводит солнцу как первопричине любой жизни на земле. Здесь герою открываются все тайны мироздания, все загадки Вселенной. Этим патетическим эпизодом завершается рассказ-миф о первом человеке.

Образ героя получает мифологический колорит благодаря многочисленным косвенным наименованиям, которые нередко используются писателем на протяжении всего повествования. Дренг выступает как Всеотец, Одноглазый, Дренг Древний и т. д. Спутница героя также получает имя Моа Древней. Таким образом, писатель старается соблюсти как внешнюю, сюжетную, так и формальную специфику мифологического повествования, стремится максимально стилистически приблизить свою описательную манеру к мифологической. С этим также связано отсутствие диалогической речи как в романе, так и цикле в целом, а также присутствие в произведении так называемого автора-проповедника¹⁰, который рассказывает читателю миф: поясняет причинно-следственные связи событий, приводит свою трактовку отдельных фрагментов, ставит перед читающим многочисленные риторические вопросы.

Потомки Дренга становятся новым народом, который стоит на более высокой эволюционной ступени. Тем не менее общество «северян», после того как происходит его окончательная адаптация к новым условиям жизни, начинает постепенно деградировать. Со временем внутри этого общества создается иерархия, лидирующее положение в которой принадлежит роду Гарма, происходящему от

¹⁰ *Неустроев В. П.* Литература скандинавских стран (1870–1970). М., 1980. С. 124–125.

первенца Дренга. Вырождающемуся обществу требуется новый эволюционный рывок, который в состоянии осуществить новый герой — один из многочисленных потомков Дренга. Он наследует от своего великого предка все качества, необходимые для этого рывка. Таким героем становится Видбьерн — второй центральный образ романа.

Его жизненный путь во многом повторяет путь Дренга. Повествование о Видбьерне содержит те же основные элементы: культурная стагнация, отчужденность от своего народа, преступление, побег, образование новой семьи, которая впоследствии перерастает в новый народ¹¹. Здесь также происходит эволюционный «скачок», возможный вследствие противостояния природным условиям. Центральное место в психологическом портрете героя также занимают подсознательная тоска по утраченной земле далеких предков и страсть к морским путешествиям. Таким образом, можно вновь проследить реализацию идеи писателя о том, что мир человека, с одной стороны, претерпевает очередное обновление, входит в новую эволюционную фазу, с другой — остается неизменным в своей основе. В соответствии с этим философским осмыслением исторического развития человека Йенсен впоследствии будет выстраивать общую линию всего цикла.

Во второй части произведения представлены такие мифо-эпические сюжеты, как победоносная схватка Видбьерна и единорога — воплощение древнейшей состязательной мифологемы и убийство сородича во имя восстановления справедливости — один из основополагающих мотивов эпической традиции в литературе. Отстранение героя от враждебной окружающей среды, его дистанцированность и выделенное автором превосходство над другими также являются распространенными сюжетобразующими мотивами героического мифа.

В образе спутницы героя Воор мы находим большинство черт Моа. Она так же помогает раскрыться всем его талантам и способностям, но сама при этом остается в тени своего мужа, олицетворяя собою материнство и вечную любовь. Проникновенные лирические описания героини вплетаются здесь в текст произведения, контрастируют с его динамичным сюжетным повествованием.

Образ Видбьерна имеет целый ряд черт одного из верховных богов древнескандинавского пантеона — Тора. Писатель реконструи-

¹¹ *Handesten L.* Op. cit. S. 227.

рует истоки скандинавской мифологии, возросшие, по его представлениям, в древности на реальных основах, которые позднее были мифологизированы и претерпели многочисленные изменения в различных культурах.

Здесь мотивы древнескандинавской мифологии тесно переплетаются с библейскими сюжетами. Йенсен не разграничивает христианство и язычество. Для него и то, и другое — единая мифологическая система, имеющая под собой реальную историческую основу. Например, ветхозаветный сюжет о Всемирном потопе и Ное также находит в романе своеобразную интерпретацию. Таящий Ледник начинает затоплять местность, где живет герой со своей семьей, в результате чего Видбьерн вынужден построить судно и отправиться на нем в путь.

Вторая часть завершается рассказом об образовании нового общественного уклада Севера — прямого предшественника древнескандинавского общественного строя. Корабль Видбьерна становится воплощением неминуемого распространения культуры Севера, которое начинается с этого времени по всей планете.

Произведение включает глава-миф «Жаворонок». Здесь Йенсен вводит нового героя — мореплавателя Свейна. Он приплывает к берегам незаселенной Дании. На лоне живописных ландшафтов северной природы Свейн обустраивает свою жизнь и обзаводится семьей. Этот самостоятельный фрагмент не имеет непосредственной сюжетной связи с предшествующими событиями романа. В то же время именно здесь писатель, с одной стороны, завершает повествование о «раннем детстве человечества» — преодолении эволюционного пути от прачеловека к человеку, его эпическом переходе через «ледниковый барьер»; с другой — создает в романе композиционную цикличность¹².

Повествование заключается философским рассуждением о том, что детство человечества — это потерянная земля тропических доледниковых лесов, но к этому тезису, выдвинутому в начале произведения, автор добавляет, что он справедлив и для каждого отдельного человека. Здесь Йенсен вновь декларирует дарвинистскую мысль об универсальности законов природы как для человека, так и для всего окружающего его мира.

Таким образом, заключительная глава романа, его эпилог, является самостоятельной частью произведения — мифом о первом засе-

¹² *Handesten L.* Op. cit. S. 227–228.

лении Дании. Вместе с тем этот заключительный фрагмент становится своего рода связующим звеном между доисторической эпохой и древним периодом истории человечества, повествование о котором писатель развертывает в последующих четырех частях цикла — романах «Норне-Гест», «Поход кимвров», «Корабль» и «Христофор Колумб».